

Молитвы Дмитрия Донского, с которыми он неоднократно обращается к богу, возымели успех — русские победили векового врага. Раньше Русь терпела только несчастья и поражения от татар, и это было „наказанием“ русскому народу, ниспосланным на него „свыше“ за грехи, а Дмитрий „милостью божиею и пречистыа его матери, пособием и молитвами сродников наших, святых мученик Бориса и Глеба и молением русского святителя Петра и пособника нашего и вооружителя игумена Сергия и тех всех святых молитвами“ наголову разбил полки Мамаю. Это и было высшей оценкой силы и величия московского князя.

За этой религиозной трактовкой морального превосходства князя московского над врагами Русской земли нужно видеть высшую оценку правильности всей государственной политики Дмитрия Донского. Показывая моральное превосходство Дмитрия над Мамаем, Олегом и Ольгердом, автор „Сказания“ тем самым поддерживал правильность всей объединительной политики московских князей, проводившейся отнюдь не смиренными средствами. И хотя автор и говорит, что Дмитрий победил своих врагов „милостию божиею“, тем не менее из всего содержания произведения следует, что по сути-то помогли не молитвы, а вся реальная политика Дмитрия: подчинение своему влиянию всех князей, объединение сил для борьбы с татарами, активные военные мероприятия, подготовившие победу над Мамаем.

В „Сказании“ часто приводятся пространные молитвы Дмитрия, обращенные к богу, богородице и святым. В их характере нетрудно обнаружить определенную политическую тенденцию, стремление подчеркнуть первенство в Русской земле Москвы, великого князя московского. Особенно характерно в этом отношении упоминание в молитвах великого князя имени митрополита Петра. Последний упоминается в „Сказании“ три раза: первый раз перед выходом русских войск из Москвы, второй — в молитве перед началом боя и третий — в перечислении князем Владимиром Андреевичем тех, кто помог великому князю одолеть татар. Автор „Сказания“ подчеркивает особую роль митрополита Петра для Москвы, его особое покровительство Москве; вместе с тем он показывает и общерусскую роль этого святого, называет его русским святителем, ставит его имя рядом с именами общерусских святых Бориса и Глеба. „И вжегл тебе, — говорит он о Петре, — нам светлую свещу и постави на свещнице высоце светити всей земли Русской!“.

Во второй половине XIV—начале XV века особенно пропагандировался культ митрополита Петра, всячески подчеркивалась его святость, чудесная целебная сила его мощей. В этом стремлении придать митрополиту Петру значение общерусского святого отразилась политическая борьба Москвы за старшинство среди русских княжеств: Петр величался чудотворцем и русским святителем, вместе с тем это был первый московский митрополит и через возвеличение Петра, подчеркивание его общерусского значения, возвеличивалась Москва и показывалось ее первенство среди остальных земель и княжеств.

Для конца XIV—начала XV века характерен большой интерес к киевскому периоду русской истории. И в архитектуре, и в литературе, и в летописании, и в политических доктринах того времени обнаруживалось стремление подчеркнуть преемственность Москвы Киеву. Это объясняется не только тем, что после Куликовской битвы пробудился особый интерес к прошлому русской истории, но и той политической мыслью, которая была заключена в представлении: Москва — наследница Киева, московские князья — наследники киевских князей.